

The book cover features a vertical illustration. On the left, an elderly man with a white beard and hair is shown from the chest up, wearing a white shirt. He holds a wooden-handled brush with a golden, glowing tip. On the right, a young woman with dark hair tied back and a white daisy flower in it is shown in profile, looking down. She wears a light-colored, possibly white, dress with lace details. The background is a deep blue, textured surface, possibly a night sky or a body of water, with a glowing golden path or stream that winds from the top right towards the bottom left. This path is decorated with several golden, multi-pointed starburst symbols and several golden leaves of various shapes. The overall mood is ethereal and artistic.

КОПИЯ ВЕРЫ

ИСТИНА ОБМАНЧИВА

КАТЯ КАЧУР

Почти счастливые люди. Романы Кати Качур

Катя Качур
Копия Веры

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Качур К.

Копия Веры / К. Качур — «Эксмо», 2026 — (Почти счастливые люди. Романы Кати Качур)

ISBN 978-5-04-246805-6

Новинка от Кати Качур — известной российской журналистки и автора бестселлеров «Любимчик Эпохи», «Ген Рафаила», «Желчный Ангел» и «Энтомология для слабонервных». После аварии Вера Петровна застревает между жизнью и смертью. Её сын Павлик — художник-копиист с мистическим даром — отчаянно пытается вернуть мать, собирая осколки её памяти из старых фотографий и картин. Но женщина, которая очнулась после комы, — не та Вера, что он знал. Она впадает в детство, говорит чужими словами, боится зеркал. И чем глубже Павлик погружается в прошлое, тем страшнее становятся вопросы: кто его мать на самом деле? Где граница между подлинником и подделкой — в искусстве, в памяти, в человеческой душе? А в это время маленькая Поленька пугает своего деда, знаменитого эксперта-живописца Архипа Мустакаса, называя его забытым прозвищем из молодости. Девочка пишет портреты людей, которых никогда не видела. Её мучат чужие воспоминания. И однажды она рисует женщину, которую отчаянно ищет по всей Москве незнакомый ей человек по имени Павлик... Две истории. Два художника. Одна жизнь на двоих. «Копия Веры» — новый роман Кати Качур о том, что связи сильнее смерти, искусство может быть проклятием, а самая точная копия иногда оказывается более настоящей, чем оригинал.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246805-6

© Качур К., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Катя Качур

Копия Веры

© Качур Е., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть 1

Глава 1 День X

Луч солнца, словно лезвие скальпеля, пробрался сквозь узкую щель в плотных шторах, достиг сердца и сделал на поверхности миокарда еле заметный надрез. Вера Петровна открыла глаза, прислушиваясь к непривычному ощущению в груди, и даже положила ладонь поверх ночной сорочки. Боль была мимолетной, неявной, неострой и, скорее всего, неопасной. Вера Петровна улыбнулась, поднялась с постели, одним движением распахнула тяжелые портьеры и пустила вероломное майское солнце в сонную комнату. День обещал только приятные хлопоты. Она подошла к шкафу-купе с зеркальными створками и внимательно всмотрелась в свое отражение. Молодость, тяжелая, мучительная, когтистая, ее окончательно покинула, а старость – мягкая, плюшевая, улыбчивая дружелюбно распахнула двери: входи, не бойся! Да, именно так. Вера Петровна относилась к тому типу людей, для которых финальная часть жизни стала наградой за жестокие испытания в начале пути. Выглядела она чудесно. В свои шестьдесят оставалась тонкой, миниатюрной, легковесной. Личико детское, продолговатое, морщинки задорные,

глаза серые, блестящие, реснички пушистые, бровки аккуратно выведены темно-коричневым перманентом. Губки пухлые от природы, хотя и посечены возрастными бороздками, будто художник наметал заточенным карандашом с десяток вертикальных штришков. Но когда улыбаешься – штришки разглаживаются. Поэтому Вера Петровна всегда улыбалась. Вот и сейчас она обнажила хорошо сделанные циркониевые зубки. Всякий раз, глядя на них в зеркало, представляла родное лицо Павлика, сына, который не скупился на мамину внешность и вообще опережал все ее желания. Не успел закончиться крем для лица – Павлик дарил ей корзину с люксовым уходом. Не успела сломаться машина – покупал новый, более дорогой автомобиль. Не успела заскучать – билеты в Большой театр на первый ряд. Не успел сойти загар – путевку на моря. Милый Павлик, могли ли мы с тобой подумать, что жизнь вернет нам все сполна? Отважный мой, честный, талантливый мальчик!

Вера Петровна накинула пеньюар, умылась, вбила в щеки легкий крем и решила позавтракать в любимом кафе недалеко от Третьяковской галереи. Голод уже щекотал желудок, и она поспешно начала одеваться. Белье Вера Петровна любила мягкое, бесшовное, телесного цвета, чуть разношенное, чтобы нигде не натирало. И в этот раз, доставая с полки привычные трусишки, она зацепилась за какую-то тесемку и сдернула на пол целых ворох одежды. Поверх нее алым дерзким пятном возвышался кружевной бюстгальтер. Вера Петровна подняла его двумя пальцами и рассмеялась. К краю бретельки были прикреплены такие же красные трусы и огромная итальянская бирка. Где она все это купила? В каком-то аутлете, на какой-то распродаже. В порыве шопоголизма. Конечно, ни разу не надела! А зачем? Кружево колется, стринги натирают кожу, да и этот цвет! На что рассчитывала? Вера Петровна приложила комплект к голому телу (пеньюар уже соскользнул на лодыжки) и кокетливо повертела бедрами. Коктейль из морщинок с итальянским кружевом показался ей гротеском. Но вдруг в сердце опять что-то кольнуло. Не больно, будто кто-то дотронулся до утреннего солнечного надреза кусочком бинта. А что? А почему нет? А может, сегодня именно тот день, когда нужно надеть красное белье? А вдруг это знак? В конце концов, история знает примеры, когда мужчина и женщина встречались после шестидесяти. И у них вспыхивал роман. И была любовь. Поздняя, последняя, прекрасная... При этой мысли у Веры Петровны задрожал подбородок, а по щеке потекла крупная, полноводная слеза. Она утерла ее краешком кружевных трусов, но синтетическая ткань не впитала влагу, а размазала ее по коже. «Ну уж нет, – осекла себя Вера Петровна, – никакой гигроскопичности! А если я вспотею? А если будет везде колоться? А мне еще по делам весь день мотаться, закупить ткань, заехать в ателье, пересечься с подругой Натусей, заскочить к Павлику в мастерскую! В конце концов, если я и встречу сегодня свою любовь, то не лягу же сразу в постель! Сначала теплые слова, поцелуи, а завтра уже и надену эти прелестные бестолковые тряпки!» Вера Петровна решительно подняла с пола упавшую одежду, положила ее ворохом на полку, а сверху запихала красный комплект. После чего достала привычные нудовые трусы из хлопка и бесшовный лифчик. Дорогие, бесспорно. Но немного потертые, с небольшими торчащими ниточками. Ну и что? Кто увидит? Зато весь день в нежности и уюте. Она быстро оделась, раздражаясь, что потеряла пятнадцать минут на какую-то ерунду, припудрила лицо, подмахнула бордовой тушью ресницы (бордо очень подчеркивал ее глубокие серые глаза), мазнула губы розовой помадой и выскочила во двор.

Черный «Лексус» припылился после ночной грозы, но, как всегда, выглядел брутально, по-мужски. Хрупкая Вера Петровна водрузилась за руль, подложив под попу высокую подушку – машина была ей явно большевата. Опустила боковое стекло, чтобы наполнить салон упоительным майским воздухом, и тронулась в центр. Припарковалась где-то в переулках, недалеко от Третьяковки, перебежала по пешеходной зебре дорогу и села на открытую веранду любимого кафе. Через минуту к ней подскочил юный официант, и они тепло пожали друг другу руки.

– Вера Петровна, как обычно? Омлет с ветчиной, вишневый штрудель и двойной капучино с порошком?

– Да, Тимурчик, дорогой! Как учеба? Как жизнь? Как любовь?

– Какая любовь? – засмеялся официант. – Разрываюсь между институтом и работой!

– Ну ничего, ничего, – улыбнулась Вера Петровна, – у тебя все впереди!

Она откинулась в кресле и с удовольствием начала наблюдать за парнем. Тимур, студент МАИ, подрабатывал здесь больше года. Они часто разговаривали, и Вера Петровна знала о нем многое. Например, что отец – татарин, а мама – русская, что запихали его в институт на инженера, а он всю жизнь мечтал иметь свое кафе, что нравится ему Анюта с соседнего факультета, но она из семьи олигарха и смотрит только на богатых. Тимур был мифологически красив. Татарская кровь в замесе с русской дала космические глаза, высокие острые скулы и волевые, чуть с синеватым оттенком губы. Казалось, так должен выглядеть Икар. Тот самый, что летал с Дедалом и коснулся перьями солнца. К тому же Тимур обладал главным, по мнению Веры Петровны, достоинством – немногословностью. Она ненавидела болтунов. Болтун тире предатель. Болтун тире влюбленный в себя нарцисс. Болтун тире подлец. Таким был ее бывший муж. Архип Мустакас. Ах-ах! Да забудь уже его! Тридцать лет, как он ушел, оставив ее без денег с больным Павликом на руках. С тех пор она презирала велеречивых мужчин. И всякий раз при мысли об Архипе вздрагивала, словно кукла вуду, пронзенная иглой.

– Верочка Петровна, ваш завтрак, – Тимур выкладывал с подноса тарелки на белоснежную скатерть, – и! кофе с порошком! – он подмигнул карим космическим глазом.

Это было их общим маленьким секретом. Кофе варили для Веры Петровны специально, добавляя в двойной капучино смесь тонко перемолотого черного перца, арахиса, риса, семян горчицы, зиры и гвоздики. Порошок серо-бежевого цвета Вера называла «порохом». Как-то, путешествуя по Индии, влюбилась в местные специи и начала экспериментировать на своей московской кухне, заодно раздавая советы бариста в любимых кафе. Вот и сейчас, отхлебывая терпкую, горьковато-пряную жидкость, она погрузилась в приятную негу и расслабленно наблюдала за жизнью вокруг. На соседнем ясене, чьи ветви доставали до края веранды, висела кормушка в виде небольшой клетки. Воробьи и всякая мелочь свободно пролезали внутрь и ловко клевали семечки. Голуби же тщетно толкались рядом, пытаясь просунуть сквозь прутья неуклюжие головы. Вере Петровне стало обидно за голубей. Она вообще болезненно воспринимала любое неравенство. Поэтому, размяв пальцами пухлую булочку, насыпала на асфальт рядом с верандой белые крошки. Голуби ломанулись на лакомство, сталкиваясь лбами, но шустрые воробьи их опередили и склевали добрую часть хлеба. Вера Петровна почувствовала себя голубем. Нерасторопным, наивным, туповатым. Не влезающим ни в одну кормушку, не поспевающим ни к одной трапезе. Ее же бывший муж Архип Мустакас явно был воробьем. Ловким, предприимчивым, самовлюбленным, умеющим отрезать от себя людей за ненадобностью. Опять вспомнила, будь он неладен!

– Вера Петровна, вы это, – улыбнулся официант, – вы бы не прикармливали птиц. Они потом на скатерти гадят, в тарелки. Нас ругают.

Вера Петровна подняла глаза и вновь залюбовалась Тимуром. До чего хорош! Как же идет к смуглой коже эта белая рубашка и черный фартук, какие же красивые руки, умные глаза. И эта синева губ невероятно изысканная, породистая. Вот бы сорок лет назад ей на пути повстречался не Архип Мустакас, а Тимурчик. Как бы она его любила, как бы ласкала. Внезапно солнечный надрез на миокарде заныл, в голове всплыло красное кружевное белье, невообразимое, неуместное, и Вера Петровна потупила взгляд, застыдившись своих фантазий.

– Конечно, дорогой, прости! – она достала из кошелька щедрые чаевые. – Да и бежать мне уже пора! Заплутала я в своих мыслях...

Она вскочила, коснулась пальчиками его крупной ладони и выпорхнула на улицу. Хотелось поскорее сесть в машину и рвануть в ателье, которым они с подружкой Натусей владели

последние десять лет. К одиннадцати на примерку обещала подъехать Елена Викторовна – жена министра сельского хозяйства и ее добрая приятельница. К двенадцати – любовница этого же министра – Елена Дмитриевна. Тоже милая дама, с шикарной талией и крутыми бедрами, что осложняло крой одежды, но вдохновляло мужчин на подвиги. Короче, дел невпроворот. До пешеходного перехода оставалось метров сто. Но Вере Петровне внезапно захотелось срезать путь, и она, взглянув направо-налево, не увидев машин, кинулась на четырехполосную проезжую часть. Вишневый «Лендровер» материализовался на дороге, словно полночный вурдалак. Из окна ревел хит 2010 года:

Мне о-чень жаль, и на-а восхо-од
Я улечу Москва – Владивосто-ок...¹

Музыка смешалась со скрежетом тормозов и жутким звуком удара. На него отреагировала вся улица. Прохожие завизжали, зажав рты руками, воробьи с голубями резко вспорхнули с деревьев, Тимур, убиравший посуду на веранде, опрокинул поднос и издал звериный вопль. Вера Петровна, раскинувшись на асфальте в неестественной позе, уперлась глазами в вишневый бампер с глубокой вмятиной, затмившей ей небо.

«Черт, – подумала она, еще не ощутив волну чудовищной боли. – А белье-то надо было надеть красное. Нехорошо лежать в морге в стареньком. Стыдно».

---

¹ «Москва – Владивосток» – песня Юлии Савичевой, музыка Максима Фадеева, слова Ольги Серябкиной (2010 год).

Глава 2

Поленька

Карета «Скорой помощи», воя сиреной, подъехала к городской больнице. Двое крепких санитаров переложили Веру Петровну с носилок на каталку и повезли в приемный покой. В это время из другой белой машины с красными крестами выкатили женщину, прикрытую по пояс белой простыней. В районе ног материя была запачкана кровью. Перед дверью санитары столкнулись, притормозили обе каталки, выясняя какие-то нюансы. Вера Петровна, уже до краев переполненная болью, повернула голову и встретилась глазами с другой пострадавшей.

– Авария? – спросила Вера одними губами.

– Роды, кровотечение, умираю, – так же беззвучно ответила женщина.

На лбу у нее дрожали гигантские капли пота, пространство от носа до подбородка было синим. Вера Петровна протянула руку, преодолевая боль, и дотронулась до живота роженицы. В ладонь ударились крошечная нога ребенка, замурованного в полумертвом теле матери.

– Родишь, – сказала она, чувствуя, как из уголка рта по шее течет липкая струя. – Выживешь. А я уж нет.

Женщина не ответила. А может, и ответила, но Вера Петровна не слышала. Мозг ее помутился. Подоспел медперсонал, толкая каталку по бесконечным коридорам к лифтам и от лифтов – снова по бесконечным коридорам.

– Долго еще этот ремонт будут делать? – где-то далеко, в параллельной галактике, прозвучал недовольный голос одного из санитаров. – Заколебали уже таскать рожениц в травматологию. Пять палат под роддом забрали. А наших уплотнили, как кильку в банке. Друг на друге лежат.

– Да, кажись, финансирование отрубили, – ответил второй. – Теперь уже ремонт никогда не закончат.

«К чему мне эти сведения перед смертью?» – успела подумать Вера Петровна, и сознание покинуло ее окончательно.

* * *

Павлик, стуча об пол тростью, сильно припадая на левую ногу, вбежал в травматологическое отделение и остановился у поста медсестры.

– Вера Петровна Мустакас, пару часов назад к вам поступившая, в какой палате? – Он тяжело дышал, по вискам текли струйки пота.

– Вы кто ей будете? – посмотрела поверх очков сестра.

– Сын. Павел Архипович Мустакас.

– Она в реанимации. Но вам туда нельзя.

– Я вас умоляю! Елена! – прочитал Павлик имя на нагрудном шильдике и полез в коричневую борсетку через плечо. – Возьмите, прошу вас! – он протянул пару красных купюр.

Елена сняла очки и рассмотрела посетителя с ног до головы. Несмотря на гримасу отчаянья, было в нем что-то чертовски притягательное. То ли глаза, влажные, зеленые, цвета морских водорослей, то ли черные с проседью кудри до плеч, то ли белесый шрам в виде змейки на лбу, то ли фигура, крепкая, но скособоченная, то ли белая свободная рубаха поверх льняных широких брюк, то ли богатая трость с ручкой в виде головы собаки, которую он судорожно сжимал в руках. На вид сыну потерпевшей было около сорока, и чувствовалась в нем какая-то нездешняя волнующая порода.

– А какой вы национальности? – не смущаясь, спросила медсестра. – Мустакас – что за фамилия?

– Где-то в далеких предках были греки, – Павлик поморщился, показывая неуместность темы. – А может, и не были.

– Ладно! Для вас сделаю исключение. – Она положила купюры в карман халата. – Но вам нужно полностью переодеться. Заходите в ту дверь, раздевайтесь до трусов, я принесу вам операционный костюм и бахилы.

Павлик вошел в сестринский кабинет, снял на кушетке рубашку и штаны, оставшись в одних сандалиях на босу ногу. Сестра внесла одноразовый голубой костюм и хирургические бахилы по колено.

– Обувь тоже снимайте. И шапочку на голову не забудьте. А что у вас с позвоночником? – Она по-хозяйски провела рукой по искривленной линии спины, из-за которой мышцы превратились в бугры, а плечи были повернуты вокруг своей оси и располагались на разном уровне.

– Врожденное заболевание. Все детство провел в корсете, – коротко ответил Павлик. – А что мама? Она будет жить?

– Сейчас все узнаем у врачей. Пойдемте, – скомандовала сестра. – Нет-нет, трость с собой нельзя. Оставьте здесь. Люба, подмени меня! – крикнула она куда-то внутрь коридора.

Павлик, прихрамывая, периодически держась за стены, поспешил за Еленой. Реанимация находилась этажом выше. У двери уже стояли другая медсестра и мужик, похожий на голубого снеговика, также с ног до головы облаченный в одноразовый костюм.

– Че, Анфис? – кивнула Елена соратнице.

– Да вот, роженица после кесарева поступила, – пояснила Анфиса. – А это муж ее, – указала она на снеговика.

– Ну, идем вместе, – скомандовала Елена. – У вас ровно пять минут. К врачам не приставать, все вопросы зададим потом.

Они зашли в просторный зал, где в ряд стояли порядка десяти кроватей. Пикали мониторы, жужжали приборы, пахло кровью и стерильными бинтами. Пациенты выглядели астронавтами, которых готовят к полету на другие планеты. Все, словно участники секретного эксперимента, были нашпигованы трубками и датчиками. Свою мать Павлик не узнал. Голову ее облегал плотная повязка, изо рта торчал шланг, из носа – тонкие канюли.

– Господи, мамочка! – Павлик опустил перед ней на металлическую табуретку и накрыл ладонью загипсованную до кисти руку. – Что же ты наделала? Куда ты бежала? – слезы полились на белую простыню. – Мы ведь только зажили с тобой хорошо. Только оправились от всех бед... Очнись, умоляю! Я буду носить тебя на руках, как и ты меня в детстве, я буду кормить тебя с ложечки! Только очнись, только очнись...

Ответом было зловещее пиканье кардиомонитора и булькающие звуки огромного кислородного концентратора. Павлик уперся лбом в гипсовую повязку на предплечье Веры Петровны и невольно услышал молитву мужика-снеговика, что склонился над соседней кроватью.

– Ирочка, милая, все хорошо, – шептал снеговик. – Дочечка наша здорова, несколько дней полежит в инкубаторе – и будет с нами, цыпленочек наш! Поленька, да ведь? Назовем Поленькой, как и планировали. Только живи, родная! Только живи!

Павлик поднял глаза. Окна реанимации оказались наглухо задраены белыми рулонными шторами. Воздух, озоновый, обеззараженный, циркулировал внутри зала, не обмениваясь потоками с внешним миром. Да и был ли внешний мир? Была ли весна? Цвела ли на земле сирень? Пели ли птицы? Плыли облака на небе? Ультрамариновая гладь с пастозными мазками белил... Грозди розово-фиолетового хинакридона в смеси с холодным оттенком краплака ...

На плечо Павлика легла тяжелая ладонь мужика-снеговика.

– Пойдем, брат. Нас уже гонят. Прорвемся, старина, прорвемся.

В коридоре они сняли с себя шапочки и обнялись.

- Денис, – представился снеговик.
- Павел, – пожал руку Павлик.

С Денисом они теперь встречались каждый день. В пятнадцать ноль-ноль их вместе заводили в реанимацию и в пятнадцать десять выгоняли обратно. Снеговик оказался бойким мужичком, холеным, лысоватым, с пронзительными стальными глазками. У него было все схвачено, он извлекал выгоду из любой мелочи. Переписал телефонные номера всех медсестер, которым совал в карманы деньги, нашел лазейки во все кабинеты, включая главврача, со всеми завел неофициальные отношения.

- Ты кто по профессии? – спросил он Павлика.
- Художник, реставратор.
- Дочку мою нарисуешь, как подрастет? – Денис мучительно соображал, чем ему может быть полезен этот человек.
- Неет, – усмехнулся Павлик. – Я с натуры не пишу. Я копиист. Делаю копии великих картин.
- О, это очень прибыльно! – сразу оживился Денис. – Давай свой телефон!
- А ты кто? – из вежливости спросил Павлик, хотя ему было все равно.
- Я в мэрии работаю, – подмигнул снеговик. – Звони по любому вопросу.
- По какому, например?
- По лю-бо-му во-о-бще! – отчеканил Денис. – Любые связи, любые, контакты, любые сделки. Да хоть раритетную трость из Европы заказать! Да хоть лично с мэром встретиться!
- Да вроде бы нет такой необходимости, – пожал плечами Павлик.
- Сегодня нет, а завтра будет, – хлопнул его по руке Денис, – ну, до завтра!

На четвертый день жене Дениса – Ирине – стало намного лучше. Она пришла в сознание, хорошо ела, улыбалась. Завтра ее обещали перевести в обычную палату. Чего нельзя было сказать о Вере Петровне. Она оставалась в коме и не реагировала ни на какую терапию.

– Понимаете, в чем дело, – объяснял Павлику реаниматолог, – мы полностью ее обследовали. У нее серьезных травм-то нет. Ну рука сломана. Ну гематомы по всему телу. КТ, МРТ мозга показали крошечное кровоизлияние, микроинсульт. С таким живут люди, и прекрасно себе живут. Поэтому сохраняем надежду на лучшее.

К исходу недели, когда Денис уже ворковал с женой, а Павлик вел бессмысленный монолог с неподвижной мамой, дверь реанимации открылась, и вошла медсестра роддома Анфиса с туго перевязанным кульком на руках.

– Ну что, мамочка, папочка! Принимайте свою красавицу и айда в отделение! Жизнь продолжается!

Она подошла вплотную к воркующей парочке и приоткрыла край детского одеяльца. Маленькое личико похлопало заспанными глазами, пошмыгало носиком, разверзло обиженный рот и издало такой пронзительный крик, что стерильный воздух реанимации просто раскололся напополам. Центральное окно вдруг сорвалось со щеколды и открылось настежь, впуская поток живого воздуха. Волосок, который отделял постояльцев этого зала от смерти, был выдернут из черепа старухи с косой, растоптан и развеян по майскому ветру. Все, что отдавало мертвечиной – никелевые спинки кроватей, ванночки для инструментов, железные утки, катетеры, зажимы, – отразили внезапный солнечный свет и приобшились к празднику жизни. Кардиомониторы запищали как ненормальные, констатируя внезапную тахикардию даже у тех, кто не способен был слышать и видеть. Вера Петровна распахнула глаза и разглядела над собой белый потолок.

- Рай, – подумала она.
- Но с раем пришлось повременить.

* * *

Веру Петровну вскоре перевели в палату номер восемь травматологического отделения. По соседству, в седьмой палате, отведенной временно роддому, уже лежала Ирина с малышкой Поленькой. Женщин отделяла лишь фанерная стена. Сквозь эту стену Ирина слышала, как тихонько стонет Вера Петровна. А та, в свою очередь, улавливала, когда мамочка кормила Поленьку, и малышка смачно чавкала мягкой грудью. В самой палате Веры Петровны находились еще пять разнообразно покалеченных соседок – кто упал с велосипеда, кто вывалился со второго этажа во время мытья окон, а одна и вовсе зацепилась ногой за собственную кошку и проломила затылок об косяк. Все они без умолку рассказывали свои истории и пытались вовлечь в разговор Веру Петровну. Но та равнодушно молчала. Павлик, ежедневно приходивший в больницу, находил мать в странном состоянии. Всегда живая, деятельная, дотошная, теперь она была тихой, безразличной, вычерпанной. Будто кто-то вынул из нее душу, оставив одну оболочку. Сына она вроде бы узнавала, но смотрела сквозь него так, будто он был сделан из стекла. Не спрашивала, как дела, покушал ли он, не болит ли спина. Глубокие серые глаза ее сделались водянистыми. Она бессмысленно улыбалась и на все кивала головой. И лишь когда в соседней палате раздавался крик Поленьки, кидалась на белую стену возле кровати и царапала ее ногтями.

– Что? Что, мама? Что ты делаешь? – в ужасе хватал он ее за плечи.

– Я там... я там... я там... – хрипела Вера Петровна и в бессилье падала на подушку.

– Что ты там? Что ты хочешь сказать? – плакал, как в детстве, Павлик.

Переломанные однопалатницы смотрели на него с сожалением.

– Мужчина, не отчаивайтесь, – утешала подсеченная кошкой, – это просто шок от аварии, временное помутнение рассудка, все пройдет!

Примерно то же самое, только пересыпанное медицинскими терминами, пытался сообщить и лечащий врач-невролог, которого специально пригласили в травматологию.

– Но почему она так реагирует на крик ребенка, доктор? – не унимался Павлик.

– Это какой-то триггер, шоковая точка. Она вышла из комы под этот крик, поэтому он ее и тревожит.

– Вы уверены на сто процентов, что она придет в себя? – тряс врача Павлик.

– Ста процентов, мой дорогой, не может дать и сам господь бог. Наш мозг – это тайна, которую не изучат и через тысячу лет. Были случаи, когда человек с ножом в черепе прекрасно соображал, а иногда и без видимых повреждений лишались рассудка...

Через две недели Павлик забрал Веру Петровну к себе домой. Гипс с руки еще не сняли, но она уже спокойно ходила, без труда себя обслуживала, варила кофе, размалывала в порошок любимые специи, наполняя квартиру сына индийскими ароматами. Да, она была отрешенной, но абсолютно безобидной. Павлик возвращался после работы и с нежностью наблюдал, как она смотрит телевизор или вышивает на пальцах цветочные узоры.

– О чем сериал? – спрашивал он ее, подсаживаясь на диван.

– Какой сериал? – улыбалась Вера Петровна.

– Который ты сейчас смотрела, – подсказывал сын.

– Я ничего не смотрела...

Это пугало. Но, в конце концов, надо было набраться терпения. Павлик пытался быть с матерью нежнее. Они часто рассматривали общие фотографии, читали стихи – она прекрасно их помнила, обсуждали репродукции в огромных глянцевых альбомах. Репин, Серов, Васнецов, Поленов... Правда, обсуждал все больше он, а она тихо смеялась и кивала.

– Мам, а расскажи, какой ты была маленькой, – целовал ее теплый висок Павлик.

– Маленькая? – переспрашивала она.

– Ну да. Я всегда любил, когда ты говоришь о своем детстве.
Вера Петровна качала головой, улыбалась и смотрела куда-то сквозь стену.
– Ты расскажи, – наконец отвечала она.
И он пускался в долгий, вдохновенный монолог.

Глава 3

Архипелаг

С рождения Вера обожала зиму. Небольшой поселок на границе Ленинградской области засыпало снегом так, что невозможно было отыскать в заборе калитку. Дома, покрытые шапками сугробов, напоминали засахаренные терема Берендея. Наигравшись во дворе, накатавшись до одури на санках по застывшему озеру, они с сестрой приходили домой, ставили окоченевшие штаны рядом с печкой и смотрели, как те медленно оплывали, превращаясь из камня в тряпку. Мама сушила на морозе простыни. И, господи, каким же это было удовольствием – снимать с веревки заледеневший белый пласт и класть в рот самый его краешек. Вкус снега, ветра, далекого костра таял на языке, ткань хрустела и обмякала, мешаясь с горячей слюной. Эти белые простыни часто снились уже взрослой Вере, когда жизнь делалась беспросветной. Во сне они, как крылья, цеплялись за ее лопатки, вращались в них и тянули вверх, в небо, будто знали божью лазейку. Это были счастливые сны. После них из тупика находился выход.

Потом наступала весна, полноводная, заливающая огороды. За ней шло знойное лето, когда ловили тень от крыши и передвигали под нее лавочку у окна, чтобы хоть как-то спастись от солнца. Затем осень с зябким дыханием небес и гнильцой увядающих огородов. А дальше – зима! Любимая зима! Перед семнадцатой Веринной зимой ее отправили в Ленинград, учиться на швею в техникуме легкой промышленности. Она была милая, простенькая девочка. С детским личиком, аккуратной фигуркой, большими серыми глазами и небрежным крошечком наплеванных солнцем веснушек. Мальчишки таких не замечали, да и в целом мальчишек в их техникуме не водилось. А потому, сгрудившись над столом в общежитии, такие же милые, незамысловатые, похожие друг на друга девчужки с помощью иголки и нитки гадали на судьбу, на суженого, на будущих детей, на бесконечное счастье. Самые смелые писали в газеты объявления: «Познакомлюсь с приятным парнем...», ходили на свидания, а потом всему курсу рассказывали подробности. Как и стоило ожидать, вместо приятных, умных, смелых, красивых на встречу приходили маленькие, прыщавые, кособокие, шепелявые. И девчонки хватались за животы, из уст в уста передавая свои похождения. Дотерпев до девятнадцати лет, Вера тоже решила дать объявление в газету «Вечерний Ленинград». Текст составляли всей общагой. «Познакомлюсь с образованным молодым человеком без вредных привычек, ростом не ниже 170 см, весом до 80 кг, желателен блондином. О себе: учусь в техникуме, рост 158 см, вес 48 кг, приятной наружности. Вера». Оставили телефон коменданта тети Вали, полногрудой, добродушной женщины, помогавшей своим студенткам обрести счастье. Несколько ночей Вера не спала, разыгрывала в ролях первую встречу. Ее любимая зима кончилась, за окном рыдал дождями апрель, в комнате пахло сыростью и подгоревшими сырниками. Родители купили Вере новенькое зимнее пальто из голубого драпа с рыжим кроликом по воротнику, она им очень гордилась. А вот демисезонное пальтишко было потрепанным, стареньким, в нем идти на встречу Вера стыдилась. Жаль, что зима не длится вечно. Прошла неделя, другая. Вера ежедневно спрашивала тетю Валю, не звонил ли кто по ее душу, но комендантша сочувственно качала головой. Вера поплакала-поплакала, да и выкинула из головы эту историю. В газете появлялись все новые объявления, жизнь текла, на улице теплело, и Вера решила, что повторит свою попытку в июне-июле, когда можно будет надеть платье из польского фатина, сшитое мамой на школьный выпускной. Но внезапно, возвращаясь вечером с практики, она столкнулась в коридоре с сияющей тетей Валей.

– Верочка, тебя пригласили на свидание!

Тетя Валя завела ее в свою каморку, порылась в кипе исписанных блокнотных листочков, подоткнувших под телефонный аппарат, и подняла один высоко над головой.

– Что там? – задохнулась Вера.

– Красивый мужской баритон сказал, что ждет Веру внутри дома-колодца завтра в семь вечера. Адрес – набережная реки Фонтанки, 92.

– Что, прямо красивый голос? – захолопала ресницами студентка.

– Ну очень, – кивнула пухлая комендантша, – сладкий такой, густой, как гоголь-моголь.

В комнате Веры в ту ночь заседал штаб. Девчонки накидали на кровать все свои вещи, и Вера примеряла их перед мутным зеркалом внутри шкафа. Было решено, что наденет она собственное платье из голубого фатина, розовые туфли подружки Кати в тон ее же сумочке, пальто Женечки Петровой с соседнего факультета и тонкий шарф цвета пиона из гардероба тети Вали. Вере накрутили волосы на железные бигуди, и она всю ночь промучилась, будто спала на бильярдных шарах. С утра решила прогулять занятия, чтобы не растрепать прическу. Репетировала речь, придумывала эффектные фразы. Ехать пришлось далеко – с окраины в центр. Догоняя автобус, попала под дождь, ухнула с новыми туфлями в глубокую лужу, промочила ноги. Кудри ее предательски распрямились. Тушь на глазах размазалась. Платье колелось на спине. Духи, что позаимствовала у кого-то из девчонок, выдали кислый мускус и начали превращаться в запах тучного непромытого тела. Вера шла по набережной Фонтанки к заветному дому и мечтала о том, чтобы все быстрее закончилось. Она уже ненавидела любого, кто явится к ней на встречу. Нырнув под арку во двор-колодец, Вера взвизгнула – со свода ей за шиворот вылилась струйка дождевой воды. Она психанула, топнула ногой, разбрызгав в луже отражение своих аккуратных ножек и многослойной фатиновой юбки. Во дворе никого не было. Десятки окон, затворенных и приоткрытых, голооких или с ресницами неприхотливых занавесок, глазели на нее с праздным любопытством. В овале синего неба уместилось растрепанное облако. Вера, задрав голову, повернулась вокруг своей оси. Желтые стены колодца каруселью поплыли мимо. Она пошатнулась, потеряла равновесие и, борясь с головокружением, сфокусировала взгляд на арке, через которую вошла. Низкое закатное солнце впустило туда пучок своих лучей, поймав в контражуре фигуру человека. Со свода арки на него капала вода, подсвеченная золотом, а он ловил ее языком, двигаясь вперед-назад, как гимнаст, несущий на голове ассистентку. У Веры перехватило дыхание. Все, что раздражало ее вокруг – капли дождя, лужи, холодные стены, – этому человеку казалось величайшим удовольствием! Он топтался ботинками по хлюпающему асфальту, трогал ладонями влажные кирпичи, подставлял лицо стекающим струйкам и – блаженствовал.

– Здравствуйте! – крикнула она, слыша раскаты своего приветствия в многократном эхе. – Я – Вера!

«Вера... вера... вера... вера...», – усвоило урок эхо.

– И это прекрасно! – ответил густой, как гоголь-моголь, голос.

У Веры зашекотало в районе солнечного сплетения, колени сделались ватными, глаза заволокло пеленой. Она влюбилась. Уже неважно было, какое чудище вынырнет сейчас из этой арки. Будет ли он беззубым, несимметричным, плешивым, дурно пахнущим. ГОЛОС! Этот голос она готова слушать всю жизнь, подчиняться ему, потакать его капризам, отдаваться, вовлекаться в непристойные истории, идти на смерть, в конце концов!

– Она была в пальто цвета приглушенной берлинской лазури и кобальта, сверху развевался шарфик – киноварь с белилами, – голос приближался, – ах, как вы элегантны, Вера!

Вера ничего не поняла, но игра слов ей жутко понравилась. Тот, кому принадлежал голос, подошел ближе и оказался очень эффектным молодым человеком с черными кудрями, зализанными в районе лба и свободно спадающими на плечи, глазами цвета морской капусты и крупными, резными, навек западающими в сердце губами. На нем была рыжая кожаная куртка, синяя в крапинку рубашка с отложным воротником и темные брюки-клевш.

– Архип Мустакас, художник, – представился он церемонно.

«Зачем ему знакомство через газету? – успела подумать Вера. – Он так хорош, что, вероятно, у него поклонниц пруд пруди!» Гораздо позже Архип открыл секрет этого трюка. Поспо-

рил с однокурсниками, что ходит на свидание по объявлению и напишет фельетон в студенческую многотиражку. Но это было потом. А сейчас влюбленная по уши, одуревшая от счастья Вера шла под руку с Архипом и, открыв рот, слушала, слушала, слушала. За три часа первого свидания она ни разу не вспомнила о заготовленных фразах. Она вообще ничего не говорила, кроме междометий. Она забыла о своем существовании. Она потеряла чувство времени, пространства, страх, стыд, совесть и Катькину розовую сумочку. Оставила ее где-то на лапе каменного льва, сторожившего очередной мост. Через неделю Вера потеряла и девственность.

Архип Мустакас учился в Ленинградской художественной академии. Он был честолюбив и видел себя большим мастером. «Я в Лувре буду повешен!» – сообщил он Вере в первый же вечер знакомства. Она и не сомневалась. Собственно, на эту святую любовь и веру в его гениальность, на этот приоткрытый от восторга рот и распахнутые возбужденные глаза, на тонкие пальцы с ноготками в форме детского совочка он и повелся. Верочка была так себе, по его меркам. Но красивые женщины, коих он жаждал, над ним посмеивались, обрывали его бравадные речи и все пытались вставить какую-то информацию о себе. О своих желаниях, своих предпочтениях, своем видении мира. Верочка же ничего подобного не стремилась ему сообщить. Она была как то зеркальце из сказки – отражала только ЕГО, в самом выгодном свете, в самом эффектном ракурсе, с самого высокого пьедестала.

Иногда он брал ее лицо в свои руки, больно мял его, будто лепил статую, и говорил, обжигая дыханием:

– Вижу твои глаза. Графит, очерченный сильным нажатием карандаша, и темные крапинки, будто грифель раскрошился при штриховке.

У Веры кружилась голова. Кто бы еще мог так сказать об ее среднестатистических серых глазках? Кто бы мог так вкусно описывать мир сочетанием красок и техник, кто бы мог так глубоко рассуждать о роли творца во вселенной, о призвании, об уникальности? Да никто! Он зажимал ее в общежитских коридорах, на убогих квартирах друзей, в темных углах парков, благо лето стелило мягкие листья на теплую землю. Он катал ее на прогулочных катерах по Неве, жонглируя словами «разбеленный ультрамарин, королевский голубой, краплак, кармин, кобальт, серый Пейна...»

– Сегодня я добавил белил в кость жженую, замешал с сажей, капнул марганцевый фиолетовый и пастозно нанес на небо, – говорил он, открывая над ней зонтик.

– И что? – изумлялась Вера.

– И пошел дождь.

В том, что Архип управлял природой, рождал молнии, повелевал морями и реками, натирал до блеска солнце по утрам, Вера не сомневалась. Сам Всевышний подавал ему к ночи влажное полотенце, чтобы тот омыл свой лик от ежедневных забот. Хорошо, что Вера не видела фельетона, написанного по исходу их газетного свидания: «Неуверенная работница швейной промышленности в пальто не по размеру и вычурном платье не по случаю была безмолвна и безмозгла. Черная тушь с ее ресниц оплыла на взволнованные щеки, волосы от дождя прилипли к худой шее, в серых невыразительных глазах застыл испуг...»

С друзьями художник Веру не знакомил, порой надолго пропадал, но всегда возвращался и снова выпренными речами вызывал в ней огнедышащую любовь.

Встречались они года два. Оба уже оканчивали учебу, и незадолго до выпускных экзаменов он затащил ее в мастерскую старшего товарища Вени Чумакова. Полуподвальное помещение с небольшим окном было завалено набросками, этюдами, со стен на молодых людей смотрели репродукции великих художников, в углу лежал рулон новых заводских холстов, укрытый пыльным плюшевым пледом. Сдернутый на пол и сложенный пополам, этот плед и стал ложем для студентов. Накануне Вера отравилась пельменями из городской столовой, и сегодня не могла всецело отдаться чувствам, а потому, пытаясь не обидеть любимого, изображала страсть. Попутно она рассматривала картины, подвешенные к потолку на длинных цепях: неокончен-

ные натюрморты с персиками, сцены охоты с гончими, пейзажи с полями и церквями. Ничего необычного. Но Вера ощущала на себе странный взгляд, сбоку, с левой стены, куда в силу неловкой позы не могла повернуть голову. Когда Архип, мокрый, рычащий, довольный, отпустил хватку и развалился рядом, она спросила, указывая на портрет бородатого мужчины с белым воротником и черным бантом:

– Архипелаг, кто это?

Архипу нравилось, когда она называла так величественно, и он жмурился от удовольствия.

– Это Васнецов. Виктор Михайлович, автопортрет. Веня приволок репродукцию из какой-то школы. Списали как устаревшую.

– А почему он так пронзительно на меня смотрит?

– Это эффект Моны Лизы, следящих глаз. Оптическая иллюзия. Когда зрочки направлены строго прямо, они будут двигаться за зрителем.

Вера поежилась. Мороз прошелся по всему телу, застыв в кишечнике. «Наверное, чертовы пельмени», – подумала она и начала одеваться.

– Как-нибудь, когда у меня будет своя мастерская, напишу тебя голой, – промурчал сладким голосом Архип, разглядывая ее приятную линию бедер и грудь, похожую на половинку лимона с сильно вытянутым соском. – Будешь висеть в Русском музее. А? Как тебе?

– Да не стоит, Архипушка, – Вера застегивала юбку, мучаясь бурлением в животе и буравящим взглядом Васнецова. – Мне как-то стыдно. Я же простая швея, зачем мне в музей?

– Почти все модели художников были простыми женщинами. В том-то и величие мастера, что он в простом увидит вечное и заставит восхищаться многие поколения. – Архип накинул на себя плюшевый плед и разгуливал в нем, как Македонский перед воинами. – Это словно капля воды. Пока она в тени, никто не обратит на нее внимания, а как попадет под луч солнца, так и превратится в бриллиант.

– Какой ты исключительный, Архипелаг, – восхищалась Вера, – как ты тонко обо всем рассуждаешь!

– Вот, например, девушка по имени Вера Мамонтова. Четвертая дочь мецената Саввы Мамонтова. Прямо-таки не красавица. Прямо-таки ничего примечательного. Никто бы о ней не вспомнил, если бы однажды сначала друг семьи Серов не нарисовал бы с нее «Девочку с персиками», а потом еще друг семьи Васнецов, – Архип указал пальцем на всевидящую репродукцию, – не написал бы ряд ее портретов. Я уж молчу обо всяких крестьянках, казачках и прочих простолюдинках, которых запечатлела кисть великих. Так и остались в вечности...

Вера кивнула, поспешно чмокнула его в смуглую щеку и скрылась за дверь – ей срочно нужно было в туалет. А через месяц с удивлением обнаружила, что беременна.

Глава 4

Дом на Поварской

В том, что Архип не захочет жениться, Вера почему-то не сомневалась. Слишком уж простеньким она была лоскуточком, чтобы вкраивать себя в дорогое парчовое платье. Сообщить Мустакасу о беременности – все равно что раздавить муху на блестящем самоваре: никто не оценит твоего поступка, а глянec будет замазан. Поэтому с печальным известием Вера вернулась в свой поселок, на границе Ленинградской области. Отец с матерью три дня кричали на нее, укоряли, называли шалавой, но потом сжалились и стали продумывать ходы. Мама вдруг вспомнила, что в Москве живет ее родная тетка, старая уже, за девяносто. Одинокaя, еле двигается, помогать некому. И что давно уже просилась она к ним в поселок, доживать старость, дожидаться смерти. А тем временем владеет тетка двухкомнатной квартирой на последнем этаже в доме на Поварской да фрагментом чердака, что прямо над комнатами. Решено было тетку забрать к себе, а московскую жилплощадь отдать молодой паре. Может, на нее богоподобный художник, как описывала его Вера, и клюнет.

Так и произошло. Узнав о беременности, Мустакас долго заламывал руки, извергал в воздух слова, полные боли и муки. А двумя часами позже, получив информацию о квартире и чердаке, обещал подумать.

Потом я вспомню, что была жива,
зима была, и падал снег, жара
стесняла сердце, влюблена была —
в кого? во что?
Был дом на Поварской².

Думать было нечего. Архип, родом из-под Астрахани, за душой не имел ничего. Никаких теток с наследством у него не предвиделось. В академии он слыл не самым талантливым студентом, звезд с неба не хватал, продвигать его дальше преподаватели не собирались. Жениться на московской квартире с чердаком, где он устроит собственную мастерскую, – вот шанс, о котором мечтали все студенты. И Архип Мустакас жеманно, велеречиво, элегантно играя названиями красок и притчами из жизни художников, согласился.

Они как-то скомканно сыграли свадьбу в ее поселке, друзей позвали немного, в основном Вериных родственников и подружек. Со стороны Архипа на торжестве присутствовал только Веня Чумаков. Веня казался полной противоположностью Мустакаса. Невзрачный, но обаятельный, покрытый беспорядочной бородой, с мягким взглядом и добрым, терпеливым сердцем. В академии его считали очень перспективным, но Архип этого не замечал, поскольку не способен был замечать никого, кроме себя. Чумаков очень тепло относился к Вере. Он считал ее лучшей партией для своего друга. И когда Архип то кривой улыбкой, то дерзкой бровью давал понять, что это он осчастливил Веру, Веня его деликатно осаживал. На свадьбе в скромного Чумакова влюбились как Верина подружка Катя, так и Женечка Петрова, владелица серого пальто. Обоих он обнимал за талии, шутил и пил за здоровье молодых.

После торжества вся компания активно начала переселять Верину двоюродную бабку из Москвы под Ленинград. Бабка была уже не в себе, забывалась, поминутно спрашивая, кто эти люди, куда ее везут, и бесконечно бормоча под нос: «Господи, спаси!» Вера осознавала, что, по сути, они присвоили жилплощадь себе, воспользовавшись бабкиным безумием и отсут-

---

² Фрагмент стихотворения Беллы Ахмадулиной, 1974 год.

ствием завещания. Но живот неумолимо рос, ребенок в нем уже активно пинался и требовал решительных действий. Тем более квартира оказалась в плачевном состоянии. С крыши через чердак она постоянно затапливалась, штукатурка на стенах размокла, паркет вспух, старая, раздутая от воды мебель дышала на ладан. Тараканы водили хороводы из туалета на кухню и обратно. Запах лекарств и старческой мочи сбивал с ног. Несколько месяцев молодожены драили, скребли, стругали, латали дыры и морили насекомых. Соседи были счастливы, что наконец расстались с вонючей бабкой, и даже подарили Мустакасам неплохой стол и вполне себе крепкий диван. Веня Чумаков умудрился завести с соседями дружбу и узнал, что в том же доме, парой подъездов левее, одна семья хочет переехать из Москвы в Северную столицу. Предприимчивый Веня, которому от родителей досталась ленинградская однушка на Васильевском острове с полуподвальным помещением, ловко провернул обмен и тоже стал обладателем московской прописки. Катю и Женечку, Вериних подружек, боровшихся за место в его сердце, Чумаков оставил в городе на Неве. Сам же, как и Мустакасы, стал хозяином небольшой квартирки и чудесного чердака с окнами на север – мечтой любого художника. За пару месяцев до родов, в ноябре, Вера сильно простудилась – решила помыть окна перед их утеплением. Пока Архип крутил жгуты из поролон и замачивал их в клее ПВА, чтобы заделать щели, Вера встала ногами на подоконник и начала тереть газетой внешнее стекло. Свитерок ее задрался, обнажив кожу, порыв ледяного ветра взялся ниоткуда и будто сковал круглый живот. Вере даже показалось, что это Снежная королева из сказки Андерсена пролетала мимо и приложила стылые ладони ниже ее пупка. Она будто почувствовала хруст – то ли треснул лед, то ли окно, то ли что-то внутри ее организма. Голова закружилась, и Вера, цепляясь за деревянные рамы, сползла на подоконник. Архип успел подхватить ее и положил на диван. Две недели она пролежала с высокой температурой и странными спазмами в животе. Врач из поликлиники сказал: ОРВИ. Уверил, что ребенку угрозы нет, плод уже сформирован.

Перед родами Вера чувствовала себя прекрасно, была окрылена, влюблена в мужа и во весь мир. Архип обустроил свой чердак, а Веня – свой. В отличие от мастерской Чумакова, у Мустакаса окна выходили на восток, и в них с утра било солнце, мешавшее художнику. Поэтому Веня работал спозаранку до самого вечера, чтобы продавать картины и зарабатывать на хлеб, а Архип богемно просыпался к двенадцати дня и вальяжно шел «писать великие полотна», дабы быть «повешенным в Лувре». Веня был щедр и всегда одалживал денег Мустакасу. Больше, конечно, из-за нежности к Вере. Его с детства восхищали беременные женщины. Они излучали особый свет, будто носили в себе не человеческого зародыша, а эмбрион солнца. С позволения Архипа Веня сделал несколько портретов Веры с круглым животиком. Вот она ступает по облакам, словно Мадонна, в прозрачной тунике. Вот она лежит на циновке, полуобнаженная, свернувшись беременным калачиком. Вот она нюхает гардению, придерживая рукой живот. И везде вокруг Веры – тот самый свет, который видел только Веня Чумаков. Годом позже, в сентябре 1974-го, он привез эти картины на уличную выставку нонконформистов в Беляево, но художников разогнала милиция, топча бульдозерами и стегая струями поливочных машин. Беременная Вера в трех ипостасях была раздавлена и разорвана, но позже, склеенная и отреставрированная, продана за баснословные деньги ценителям неофициального советского искусства. Деньги как-то сами шли в руки Вене. Он никому не лизал задниц, ни перед кем не заискивал, но все вышедшее из-под его кисти оказывалось благословенно и находило своих покупателей. Архип, глядя на Веру в исполнении Чумакова, пожимал плечами.

– Я рад, что моя жена тебя вдохновляет, – говорил он другу, – ибо я не вижу в ней ровным счетом ничего. Ничего, чтобы даже заставило меня натянуть холст на подрамник.

И действительно, Архип несколько раз делал попытки писать Веру, но в итоге срывался на нее, кричал, что она не может держать позу, не способна изящно повернуть голову и вообще не годится в модели. Лучше пусть идет и готовит гению ужин. После чего заново грунтовал холст и переключался на натюрморты. В отличие от Вени, деньги ему доставались трудно. Лич-

ные работы успеха не имели, и он подвизался расписывать панно для Домов культуры, воспроизводил сталеваров и молочниц, трактористов и космонавтов. Вера не обижалась. Находясь словно под гипнозом, она тоже не видела разницы между потенциалом Вени и Архипа. И благоговела перед мужем, что бы тот ни говорил.

В середине января Вера на автобусе поехала в роддом Грауэрмана на проспекте Калинина. Архип где-то в Подмосковье воплощал на стене очередной панегирик советской власти, а потому проводить не смог. Стояла любимая зима, сугробы доходили до вязаной шапки, снежинки ложились на мамино голубое пальто и будто накрахмаленной марлей покрывали рыжий кроличий воротник. «Брызги белил в миксе краплака с охрой желтой», – подумала Вера и рассмеялась. Она начала мыслить, как ее великий Архипелаг. В переполненном автобусе, увидев растянутое на животе пальто, беззубый мужик уступил Вере место. Все вокруг было правильно, благостно, красиво. В роддоме ее приняли добрые медсестры и определили в палату, где лежало пять человек – такие же приятные, милые женщины, ждавшие исхода своих чад в справедливый внешний мир. Они уходили или уезжали на каталках в открытую дверь и больше не возвращались – родивших помещали уже в другие покои. На второй день у Веры отошли воды, и санитарка вывела ее под ручку в залитый зимним солнцем коридор. Осторожно ступая, боясь расплескать счастье, Вера двигалась в новую жизнь. Она никогда не молилась, но, вспоминая бормотание московской бабки, вдруг остановилась перед дверью родильного отделения и неожиданно громко для себя воскликнула: «Господи, спаси!»

Глава 5

Павлик

Вера рожала сутки, и в итоге ей сделали кесарево сечение. Она долго была без сознания и, очнувшись уже в палате, увидела над собой лицо врача. По выражению его глаз сразу поняла, что Господь не спас. Врач, немолодой, уставший, сообщил, что родился мальчик. И что у мальчика серьезные проблемы с позвоночником. Вера, болевшая за жизнь от силы пару раз, ничего не понимала в медицине. Поэтому в предложении «недоразвитие, изменение конфигурации и количества позвонков стало пусковым механизмом для деформации хребта» не поняла ни слова.

– Доктор, – прошептала она, – мой ребенок что, инвалид?

– Да, – ответил врач, присаживаясь на край кровати, – врожденная аномалия развития позвоночника может привести впоследствии к расстройствам неврологического характера.

– Да говорите же вы по-русски! – взмолилась Вера.

– У ребенка кривая спина, – наступил на горло собственной песне врач. – По крайней мере, первые годы ему потребуются особые условия жизни.

– Какие?

– Специальные корсеты, инвалидная коляска. Но были случаи, когда хребет с годами крепчал и человек начинал самостоятельно ходить.

– У меня будет такой случай, – стиснула зубы Вера.

– Вы можете подписать документы и отказаться от ребенка. Тогда заботу о нем возьмет государство.

– Никогда, – сухо сказала Вера. – У меня грудь разрывается от молока. Принесите сына. Я хочу его покормить.

Медсестра принесла туго спеленутого малыша, смешного, сероглазого, с темными волосиками. Он хищно набросился птенцовым ртом на распухший сосок, и Вера застонала от боли и нахлынувшей нежности. Слезы, горячие, безудержные, выплеснулись на маленькую головку, и она размазывала их ладонью по шелковому затылку ребенка.

– Павлик, – всхлипывала она, – Павлуша, сыночек мой...

В обед под окном палаты послышались крики. К стеклу прильнули несколько родивших женщин, но по одной вернулись на свои кровати.

– Вера, это, кажется, тебя.

Негнушмиися ногами, поддерживая рукой грубый шов на животе, Вера подошла к окну и со своего третьего этажа увидела Архипа с Веней. Они махали руками, кричали и радостно люлююкали. Вера тоже помахала им в ответ, нарисовав пальцем на стекле букву «М».

– Мальчик? Мальчик? – по губам поняла она вопрос мужа и закивала.

Мужчины, стоящие на земле, обнялись и подняли большие пальцы вверх. Вера отошла от окна и заревела. Как она скажет Архипу, что их сын инвалид? Как удержит рядом с собой? Теперь московской квартирой с чердаком не отделаешься. А больше ничего у нее и не было. Неужели проклятая ОРВИ покалечила ее сына? Или Снежная королева зацеловала мертвыми губами его нежную спинку? Когда медсестра впервые развернула пеленки и оставила Павлушу голенького, Вера сначала ничего и не поняла. Обычная новорожденная козявка с большой головой и маленьким тельцем. Ну да, как-то плечики несимметричны, немножко неровная линия позвонков, одна коленочка смотрит вовнутрь. В остальном – малыш как малыш. Голова одна, и ладно. Вон, рассказывали, в пятой палате мальчонка лежал шестипалый. Ужасно некрасиво. А здесь, подумай, позвоночник! Вылечим!

На выписку Архип снова пришел с Веней. Передавая мужу кулек, перевязанный голубой лентой, медсестра предупредила:

– Осторожнее, папа, мальчик хрупкий, особенный. И немедленно вставайте на учет в ЦИТО³. Ребенку уже нужно мастерить корсет.

Архип метнул на Веру огненный взгляд, но она промолчала, потупив глаза. Таксист на желтой «Волге» остановился у подъезда. В квартире, где Архип поставил кроватку и развесил воздушные шарик, Веня открыл бутылку шампанского и разлил по чашкам – бокалами Мустакасы пока не обросли. Троица выпила. Вера набрала полную грудь воздуха и, как могла, простым языком рассказала о недуге сына. Архип во время ее монолога темнел лицом и покрывался испариной.

– Это какая-то ошибка, Вера, – сказал он наконец, выдув из ноздрей горячий пар. – Это не мой сын. Мой ребенок не мог родиться больным.

Вера зарыдала. Веня Чумаков налил себе еще полный бокал шампанского и выпил залпом. Пауза, мерзкая, тягостная, липкая, зависла минут на пять. Прервал ее Павлик сначала тихим кряхтением, а потом требовательным голодным плачем.

– Так! – перекричал его будто проснувшийся Веня. – Ребенок наш. Мы его родили. Мы будем кормить, лечить и воспитывать. Мужайся, Архип. У великих людей всегда сложные судьбы!

Архип уже не хотел быть великим. Он ненавидел себя за то, что польстился на московскую квартиру, он корил себя за глупую шутку со знакомством по объявлению, он рвал на себе волосы: вокруг столько женщин! Столько красавиц! Те же Женечка Петрова в сером пальто или Катя с розовыми туфлями! А он выбрал единственную, которая родила ему инвалида...

* * *

Шли месяцы, и утверждение Архипа о том, что Павлик – не его сын, теряло всякий смысл. В глазах мальчика сначала точно, штришками проявлялась яркая зелень, а вскоре радужки приобрели цвет шевелюры Нептуна, или попросту морских водорослей. Волосы еще больше потемнели и закудрявились, как у отца. На щеках появились характерные ямочки, не круглые, как у всех нормальных людей, а будто надсеченные острым ножиком. Два года Павлик лежал в распорках, гипсовых корсетах, от которых потела и загнивала кожа, два года двигал только ручками и ножками, беспрестанно кричал, выматывая по ночам мать и ни в чем не повинного Веню Чумакова, который приходил к Мустакасам взамен сбежавшего в свою мастерскую Архипа. Неудивительно, что первым словом ребенка было «Веня», а не «мама» и «папа», как хотелось бы слышать родителям. Веня полюбил мальчишку всем сердцем. За глаза цвета советских консервов с морской капустой. За недетскую смышленость. За страдания, которые тот переносил покорно, не ведая другой жизни. За тягу к этой самой невыносимой жизни. Десятилетиями позже, когда Веня ударился в иконопись, он наделял этими глазами Христа на образах Спаса Вседержителя. И по оттенку очей божьих определяли ценители Венины иконы и верили этому нептуньему взгляду больше, чем какому другому художественному воплощению Всевышнего.

Ну а пока Павлик рос, в комнате за диваном (тем самым, что подарили соседи) выстраивался ряд его «панцирей» – корсетов из гипса и отлитого листового полиэтилена, которые «росли» вслед за мальчиком. Корсеты заказывали на протезно-ортопедическом предприятии, и каждая поездка на «примерку» в Западное Дегунино становилась праздником для Павлика и адом для Веры. Праздником – потому что на улицу Павлушу вывозили крайне редко, а тут его сажали в такси, и по дороге он до нюансов впитывал в себя проносящуюся за окном жизнь. Адом – потому что лифта в доме не было, и с последнего шестого этажа Вера сначала сбегала сама к телефону-автомату, чтобы вызвать такси, – двенадцать пролетов, сто восемь ступенек,

---

³ ЦИТО – Центральный научно-исследовательский институт травматологии и ортопедии, основан в 1921 году.

потом возвращалась в квартиру и спускала инвалидную коляску – двенадцать пролетов, сто восемь ступенек, а затем поднималась порожней, забирала ждущего на стуле сына и на руках несла его вниз – двенадцать пролетов, сто восемь ступенек. После посещения завода история с двенадцатью пролетами, ста восемью ступеньками повторялась в движении вверх. Архип с Веней, конечно, помогали, но частенько оба были в отъезде, поэтому Вера справлялась сама. Пока ждали такси, во дворе к сидящему на коляске Павлику подходили дети. Они бесцеремонно трогали его, тыкали пальцем, смеялись. Он улыбался, хотел познакомиться, протягивал руку для пожатия. Но его били по ладони, отпускали щелбаны, плевали в лицо и называли Черепаном.

– Мам, почему Черепан? Так обидно! – плакал Павлик.

– Наверное, от слова «черепашка». Просто большая черепашка в белом панцире, – гладила его по волосам Вера.

Когда Павлику исполнилось четыре года, Вера вышла на работу. Денег катастрофически не хватало. Веня уехал в долгую экспедицию куда-то в Сибирь, сначала присылал письма, а потом и вовсе пропал. Архипа перестали приглашать на большие проекты, и он месяцами торчал дома. Было решено – Вера устроится закройщицей на фабрику «Большевичка», Архип будет творить в своей мастерской и присматривать за Павликом. Поверх лестничных ступеней на чердак Мустакас-старший положил несколько листов толстой фанеры, чтобы каждый день закатывать туда коляску с сыном. Павлик попал в новый мир. Мир, где едко пахло красками и растворителями, где на стенах висели картины в разной степени готовности, на полу штабелями стояли полотна, натянутые на подрамники, в углу грудой лежали детали деревянных рам. Отец был для него небожителем. Сын, не шелохнувшись, часами мог смотреть, как белый загрунтованный холст покрывается имприматурой⁴, как под мастихином Архипа рождается небо, как из неоформленного пятна благодаря движению кисти проявляется трава, деревня, дорога, уходящая за горизонт. Первые месяцы Павлик только молчал, смотрел и слушал. Отец не пытался занять сына, не испытывал потребности вести с ним диалог. Он просто комментировал все, что делал. Взрослым, профессиональным языком.

– Лессировочно или впротирку кладем тон по всему холсту... жи-и-иденькой такой красочкой... подмалевочек делаем... здесь смажем... здесь отобьем цветом...

Павлик понимал, что не имеет права оторвать отца от работы. О том, чтобы попросить еду или воду, не было даже и речи. Он умолял помочь ему справиться с нуждой, но Архип не всегда слышал или отмахивался – потерпи, ты же мужик! И Павлуша терпел до последнего. Иногда ходил под себя и просто плакал. Мустакас давал ему затрецину и пересаживал на горшок.

– Что ты такое? – говорил он, вытирая попу сына жесткой газетой. – Зачем ты нужен? Что ты способен дать этому миру, если не можешь даже обслужить сам себя? Зачем тебя создала природа?

Павлик не знал ответа на эти вопросы. Его большая голова на тонкой шее болталась, как воздушный шарик на ниточке, когда отец одной рукой держал сына поперек туловища, а другой пытался вылить в ведро переполненный горшок. Ближе к шести годам Павлик набрался храбрости и попросил отца дать ему кисть и холст. Несмотря на физическую убогость, Павлуша рано начал говорить, минуя стадию коверканья слов. Где-то в год и два месяца он четко называл предметы, спокойно выговаривая букву «р», а в два года виртуозно изъяснялся длинными предложениями с причастными и деепричастными оборотами. Вера не удивлялась. И в этом он тоже напоминал отца.

– Папа, я хочу нарисовать закат, какой я видел вчера во сне. Я бы растянул цвета от звонкой берлинской лазури на востоке через небесно-голубую и кобальт светло-зеленый к оттенкам

---

⁴ Имприматура – тонкий слой цветного грунта, наносимый на поверхность перед началом живописи.

желтого и оранжевого кадмиев. Я бы слил их с полосой розового краплака и ударил ярким мазком белил в ореоле лимонно-желтой. Пусти меня к мольберту и дай мне краски.

Архип опешил. Он, говорящий той же интонацией, мыслящий теми же терминами, мгновенно представил себе этот закат. Но, откашлявшись, медленно повернулся к сыну и с ухмылкой произнес:

– Ишь ты! А кишка не тонка? Видишь репродукцию Васнецова на стене? – Васнецов перекочевал в мастерскую Архипа от Вени. – Вот тебе бумага и уголь. Копируй!

Павлик был счастлив. Архип положил ему на колени подставку в виде листа фанеры, перевесил Васнецова на уровень глаз и подкатил коляску к стене. Дрожащей, не поставленной рукой Павлик нарисовал первую линию и от усердия порвал бумагу.

– Вот видишь, – засмеялся Архип, – сначала научись держать уголь пальцами, а уж потом закат...

Павлик корпел над Васнецовым три месяца.

Его утро начиналось с того, что он стирал ластиком вчерашние попытки и наносил новые линии. Отец, радостный, что сын перестал даже проситься в туалет, оставлял его, бывало, часов на пять-восемь и уходил по своим делам. Вернувшись, смотрел на рисунок Павлика и хлестко, будто равному, бросал фразы:

– Тупой? Совсем не реалистично, не видишь? Один глаз выше другого, не замечаешь? А форму ты здесь зачем вывернул? Если решил срисовывать, срисовывай точно!

Архипа кидало из крайности в крайность. С одной стороны, он смастерил сыну маленький мольберт и сделал удобную палитру, готовя его к рисованию красками. С другой, особенно в подпитии, мог отвесить такую оплеуху, что казалось, голова Павлика сейчас оторвется от тонюсенькой шеи и закатится за рамы в углу. От удара у Архипа ныла ладонь, и он злился еще больше. Павлуша терпеливо сносил затрецины и только спрашивал:

– За что, папа? Я ведь не учился в академии...

– В академии? Да кто ты такой, чтобы учиться в академии? Знаешь, кем надо быть, чтобы поступить в академию! Да я уже ТАК рисовал, когда пришел в академию!

В пьяном запале Архип забывал, что сам взял в руки карандаш лишь в десять лет, а сыну недавно исполнилось шесть. И что портреты ему не давались никогда, в отличие от того же Вени Чумакова. Но Мустакасу физически требовалось господствовать. Веры под рукой не было – она брала дополнительные вечерние смены, чтобы прокормить семью, и Архип властвовал над маленьким больным Павликом.

– Я выращу из тебя Карла Брюллова! – кричал он. – Отец-художник за каждую провинность давал ему пощечину!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.